

ВРЕМЯ И МЕСТО

Четверть века без Галича

Разговор о поколениях

Прошло уже четверть века с трагической гибели Александра Галича в Париже, во-круг абсолютно другая, казалось бы, жизнь, новый век, год за три. Отчего же его песни и стихи так тревожат, интонацией, словом, паузой заставляя биться русское сердце? Может, «опять над Москвою пожары»?

Галич родился в 1918 году, в пушкинский день, 19 октября. Шесть лет назад, незадолго до своей смерти о нем вспоминал брат, Валерий Гинзбург. Гинзбург – замечательный кинооператор, снявший фильмы, ставшие классическими: «Солдат Иван Бровкин», «Когда деревья были большими», «Живет такой парень», «Комиссар». Шестнадцать лет он преподавал во ВГИКе, пока не был уволен за неблагонадежность – ведь был он родным братом Александра Галича, в память о котором снял документальный фильм «Изгнание».

Валерий Гинзбург

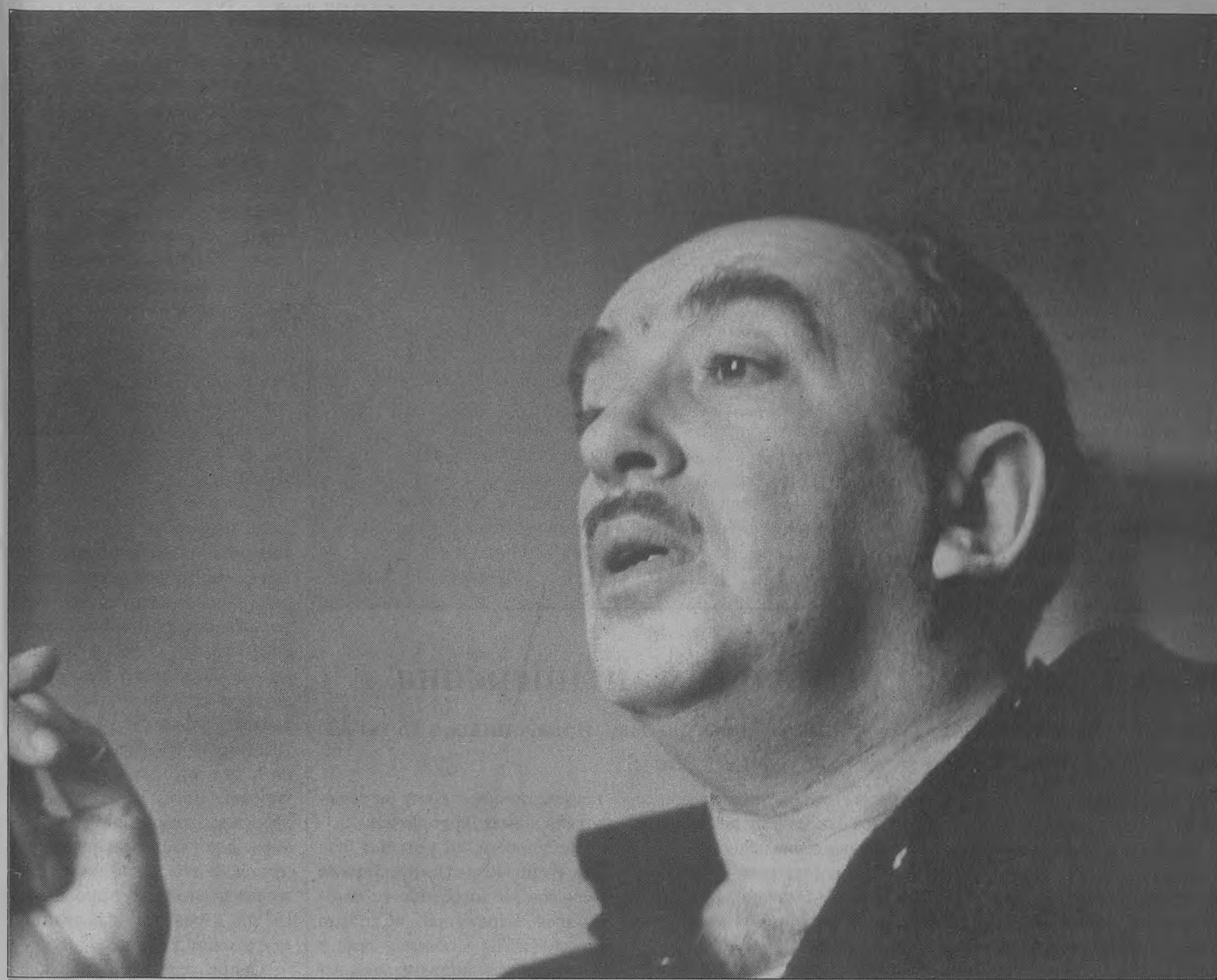
Два брата

В семье было два брата, хотя родители всегда жалели, что нет сестры. Не могу сказать, что были хулиганами – в меру, как всегда бывает у ребят. Мы сначала учились с ним вместе, была такая 25-я школа в Колпачном переулке, потом его исключили и перевели в другую, в Вузовском. У него вообще-то в жизни было репутацию многое – в детстве была поэзия, после окончания школы он одновременно поступил в Литературный институт и в только что возникшую студию Константина Сергеевича Станиславского, куда его тоже неожиданно приняли. В юные годы он писал стихи – была стезя поэтическая, потом актерская, во время войны он занялся драматургией, написал первые пьесы: «Зимняя сказка» и «Я умею делать чудеса». В те годы он и взял себе литературный псевдоним Галич, хотя фамилию Гинзбург сохранил до последних дней. И с той поры литературную работу уже не оставлял до конца, пока не перешел к тому знаменитому периоду, когда начал сочинять крамольные песни.

Он и в кино очень много сделал. По его сценарию была поставлена картина «Государственный преступник», теперь там восстановили титры, а много лет назад, когда он был вынужден эмигрировать, в «Кинотеатре повторного фильма» шли фильмы, где из всех титров была вырезана фамилия Галича. Очень известная всем классическая картина «Верные друзья», которая сначала называлась «На плоту»; «Пароход зовут «Орленок»; успешно прошедшая картина режиссера Станислава Ростоцкого «На семи ветрах»; «Бегущая по волнам» по мотивам Александра Грина. Но наши судьбы не пересеклись в кино, вместе мы никогда не работали, хотя часто собирались, говорили. У нас был еще один брат, двоюродный, известный театральный режиссер Александр Гинзбург, отец нынешнего известного режиссера Евгения Гинзбурга. И он как-то сказал: «Господи, в одной семье есть режиссер, автор, оператор – давайте сделаем картину!» Вот так шутили-шутили, да так ничего и не сделали.

«Началось все дело с песенки»

В картине «Александр Галич. Изгнание» есть хорошее интервью с Еленой Георгиевной Боннар, она говорит там очень точную фразу: «В какой-то момент человек уже не может лгать. И талант становится сильнее инстинкта самосохранения». И он запел о том, о чем мы сами говорили по кухням, по домам. Говорили полупрошепотом, а он запел. Причем мне все время казалось в те годы, когда песни эти писались, что всем известная песня «Облака» была первая. А оказалось, что нет, она была одной из тех первых песен, которые слушателей сшиб-

Галич был артист, чувствовать публику ему было просто необходимо. 1965 год.

Фото Виктора Ахломова

ли, – в то время только-только возвращались первые гулаговцы. А о самой первой песне Галич написал в своей книге «Генеральная репетиция». Однако он ехал в Ленинград по делам на студию, на следующий день должен был побывать на дне рождения у Юрия Павловича Германа, отца Алексея Германа – нынешнего режиссера. Думал, какой подарок сделать Герману, и в течение одной ночи написал песню под названием «Леночка». Это была его первая песня – написанная в вагоне «Красной стрелы», а вечером спетая и врученная Герману. Как он сам говорил: «Началось все дело с песенки, а потом – пошла писать! И по мукам, как по лезвию...» Вот с чего началось, а потом посыпались они, «как из рога изобилия», в каких-то случаях как ответ на какие-то события, в ответ на сердечную боль. Он сам в своих передачах, которые вел на Радиостанции «Свобода», рассказывал, как родился та или иная песня. Ну, например, «Мы похоронены где-то под Нарвой», знаменитая «Ошибка» была написана после рассказа в газете о том, как Хрущев принимал Фиделя Кастро – на даче была устроена охота, а охота эта была на месте гибели сотен тысяч наших солдат в районе Нарвы. И многие другие песни, в том числе сатирические, юмористические, в той или иной мере всегда отражали события нашей жизни, были весьма и весьма злободневны.

Он был артист, ему нужна была публика, люди, на которых он бы глядел и чувствовал их реакцию. Я, грешным делом, не очень люблю слышать фанфары оркестра сопровождения – Галич хорош под собственную гитару. И песни, записанные «на кухнях», мне значительно привлекательней. Я знаю записи, которые он делал с одним ленинградским звукооператором, очень чистые, профессиональные по качеству звучания, но они мне все не нравятся – не нравятся потому, что они все без куража, который возникал во время застолья, когда вокруг сидели красивые дамы, которым ему хотелось понравиться, попетушиться немножко, он это любил; выпитая рюмка водки тоже не мешала в каких-то случаях. Это – близость, общение с аудиторией, поэтому он так любил концерты. Единственное публичное выступление было в знаменитом новосибирском Академгородке в 68-м году. Больше у него в Советском Союзе не было ни одного публичного выступления. Поэтому когда он оказался вынужденно на Западе, с 74-го года, он очень охотно выступал в разных концертах, ездил, гастролировал. Во Франции, в Ита-

лии, в Соединенных Штатах был и всегда с удовольствием выступал. Ему нужна была аудитория, ощущение контакта с ней.

«Ты, Галич, Бог – и сам того не знаешь»

Сначала мы воспринимали это все только как песни. Но несколько лет назад был вечер, посвященный журналу «Горизонт», в котором принимала участие Лидия Корнеевна Чу-

ковская. И она рассказала такой весьма приметный случай. Галич, живя в Переделькино, впервые побывал на даче у Чуковского, где, как обычно, собралась довольно большая компания людей, а Галич под гитару исполнял свои песни. Корней Иванович Чуковский, человек с необычайно острым ощущением слова, выслушал все и сказал: «Ну ладно – это все ваши актерские штучки, а вы мне покажите, чтобы глазами я это прочитал». На следующий день Саша принес опечатанный на машинке – естественно, изданного ничего не было – сборничек своих стихотворений. Корней Иванович взял их читать. На

В каждом поколении были свои отважные люди и были трусы

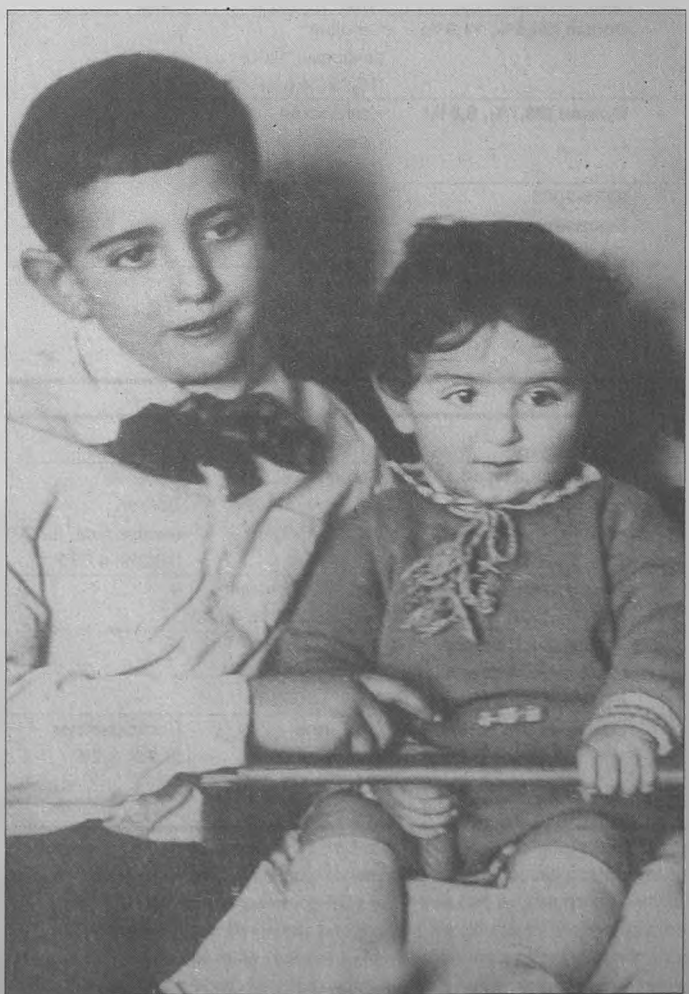
другой день, прочитав стихи, он написал на этом сборничке, перефразировав Пушкина: «Ты, Галич, Бог – и сам того не знаешь». Так Чуковским была оценена поэзия Галича – это очень характерно. Когда Нина Крейтнер делала книгу воспоминаний о Галиче «Заклинание Добра и Зла», там она поместила замечательное письмо Виктора Ефимовича Ардова. Его мы всегда считали автором юмористических рассказов, произведений, а

литтехническом музее на сцену была послана записка – молодой девушкой, родившейся в тот год, когда Галича не стало. Она – студентка университета и пишет о том, что выросла на поэзии Галича. Еще один замечательный случай: когда мы были в Соединенных Штатах Америки, показывали картину «Изгнание», интерес к его творчеству был необычным. Вдруг появились ребята из студенческого театра города Балтимора, всем примерно по 23-27 лет – поставили на сцене галичевский «Кадеты». В Израиле нам подарили записи студенческого молодежного хора, который исполняет песни Галича на иврите. Живьем я их не видел, но, когда услышал, мне очень понравилось – молодые голоса, замечательно поют.

Литатуровед Ефим Эткинд рассказывал о том, как был сделан перевод Галича на немецкий. Увлечся этим исследователь древних языков и культур – вдруг его потянуло на поэзию Галича. Он пошел по всяким значным местам, по притонам Гамбурга, чтобы найти в немецком языке адекватные словечки, которые были характерны для сатирических главным образом песен Галича.

Я не верю, когда говорят, что молодежь «уже не та». Вообще должен сказать, что я ужасно не люблю разговоры о поколениях, потому что в каждом поколении были свои отважные люди и были трусы. В поколении шестидесятников тоже, как в «Старательском вальсе»: «Промолчи – попадешь в палачи». Те же люди, что накануне слушали его песни дома, на кухне, потом молчали, и у них не болело...

Галич похоронен на Сен-Женевьев. Это прекрасное кладбище, удивительное уже потому, что, когда проходишь по аллеям мимо могил Бунина, Добужинского, Сомова, Тарковского, Виктора Платоновича Некрасова, Владимира Емельяновича Максимова, редактора «Континента», и мимо всех могил русских начиная еще с авиаторов Первой мировой войны, сердце сжимается от этого. Там, недалеко от могилы Галича, есть мемориал, который на меня произвел совершенно огулительное впечатление, я снял его. Мы включили его в картину одним из эпизодов: белые надгробия, белые кресты, на большом кресте написано только одно слово: «Кадеты». А кто это? – Мальчишки. Когда я снимал, я сделал панораму на фарфоровый погон, а это наш нынешний суворовский погон.

Братья Александр и Валерий Гинзбург. Москва, 1927 год.

Публикация Вадима Алексеева.

Фото из архива Нины Крейтнер